



Ю. А. ПИСАРЕВ

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЛНЕНИЯ В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ В 1910 ГОДУ И АГРАРНАЯ РЕФОРМА 1911 ГОДА

В сентябре — октябре 1910 г. в Боснии и Герцеговине, входивших в то время в состав Австро-Венгрии, произошли крупные крестьянские волнения, которые оказали серьезное влияние на последующие события в самих провинциях и в соседних южнославянских землях. Под их воздействием, в частности, в 1910—1911 гг. развернулось крестьянское движение в Далмации и Македонии, а в Боснии правящие круги во избежание аграрной революции провели в 1911 г. аграрную реформу.

В. И. Ленин, внимательно следивший за событиями на Балканах, горячо приветствовал революционную освободительную борьбу югославянских и других народов. В своей работе «О праве наций на самоопределение» В. И. Ленин отмечал, что эти движения объективно решали задачи буржуазно-демократической революции. В Восточной Европе и на Балканах, писал он, «эпоха буржуазно-демократических революций только началась в 1905-ом году», и с тех пор там наблюдается пробуждение «целого ряда буржуазно-демократических национальных движений»¹.

История крестьянских волнений 1910 г. в Боснии и Герцеговине еще недостаточно изучена. За 50 минувших лет было написано всего лишь несколько работ, посвященных этой проблеме. Во время самих событий в венской газете «Die Neue Zeit» от 8 октября 1910 г. была опубликована обширная статья известного австрийского экономиста Карла Грюнберга «Аграрные отношения и программа аграрного освобождения в Боснии и Герцеговине», сообщавшая некоторые данные о крестьянских волнениях в Боснии. В 1929 г. в Югославии вышел сборник «Борьба Боснии и Герцеговины за освобождение и объединение»². В нем были приведены некоторые новые сведения о выступлении крестьян в 1910 г., но не давалось сколько-нибудь подробного описания самих волнений. Наконец, в 1950 году в «Ежегоднике исторического общества Боснии и Герцеговины» была помещена статья Воислава Богичевича о крестьянском движении в Босанской Крайне и Посавине в 1910 г.³ Эта работа выгодно отличалась от двух предыдущих обилием фактического материала. Однако и в ней не вскрывались все причины крестьянских волнений.

В настоящей статье автор ставит своей задачей на основании имеющейся литературы и новых материалов, почерпнутых из государственных архивов СССР и Венгрии, а также боснийской печати того времени, показать борьбу крестьянства Боснии и Герцеговины против социального гнета, за землю и политические права, вскрыть причины крестьянских волнений.

* * *

Босния и Герцеговина в течение длительного времени находились под владычеством феодальной Турецкой империи, поддерживавшей в неизменном виде старые формы аграрных отношений. В 1878 г. Австро-Венгрия оккупировала Боснию и Герцеговину, а в 1908 г. окончательно присоединила их к монархии.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 378.

² «Напор Босне и Херцеговине за ослобођење и уједињење». Сарајево, 1929.

³ В. Богичевић. Сельачки покрет у Босанској Крајини и Посавини 1910.— «Годишњак историјског друштва Босни и Херцеговини», Сарајево, 1950, год. II.

Социальные противоречия здесь теснейшим образом переплетались с национальными и религиозными, так как господствующие классы придерживались мусульманского и католического вероисповеданий, а эксплуатируемые массы — в основном православного. Помещиками в Боснии были главным образом мусульмане-турки, а позже и австрийцы, зависимыми крестьянами — югославяне. Согласно статистическим данным, в 1910 г. свыше 91% крупных землевладельцев-феодалов составляли мусульмане-аги и беги, а около 9% — австрийские, немецкие и венгерские феодалы⁴. Господствующие классы всячески стремились разжечь религиозные и национальные противоречия и тем отвлечь народные массы от социальной борьбы. Все это осложняло разрешение аграрного вопроса.

Аграрные отношения в Боснии и Герцеговине отличались особенно консервативным характером. В этих областях еще в XX в. сохранились почти в полной неприкосновенности устаревшие формы отношений в деревне, которые В. И. Ленин называл «могучими остатками средневековья»⁵. Характеризуя Боснию и Герцеговину, Македонию и другие балканские страны, В. И. Ленин писал: «Там еще уцелели сильнейшие остатки крепостного права, средневековой зависимости крестьян от помещиков-феодалов. К таким остаткам принадлежит крестьянский оброк помещику (денежный или продуктами), затем исполщина... и т. п.»⁶

Пережитки феодализма служили тормозом общественного развития и роста производительных сил. Босния и Герцеговина были самыми слабо развитыми и отсталыми провинциями Австро-Венгерской монархии. По данным переписи населения 1910 г., подавляющая часть населения этих областей (85,4%) проживала в деревне и занималась сельским хозяйством, которое велось самым примитивным экстенсивным способом⁷.

Почти половину сельских жителей (46,9%) составляли несвободные крестьяне, называвшиеся в Боснии и Герцеговине кметами (кмет — зависимый от помещика крестьянин). Кметчина представляла собой одну из разновидностей крепостничества. Она сохранилась еще со времени турецкого владычества и была подтверждена австрийскими законами 1879 и 1883 гг., согласно которым кмет за право пользования помещичьей землей должен был отдавать владельцу одну треть (третину), а в ряде районов половину урожая. Этот вид повинности, взимаемый при турках натурой и называвшийся «хаком», был Австро-Венгрией заменен денежной повинностью, эквивалентной рыночной стоимости урожая⁸. При этом сохранилось старое название повинности. В пользу государства кмет должен был платить десятину⁹. Ее размер определялся особой комиссией, составленной из представителей местных властей, помещика и сельских старост. Обычно комиссии вели свою работу весной, когда цены на хлеб были особенно высоки на рынке, а уплата десятины производилась осенью, когда цены резко падали. Поэтому крестьянин уплачивал, как правило, значительно больше $\frac{1}{10}$ части урожая, проигрывая на разнице цен¹⁰. При удержании десятины во внимание не принимались ни стихийные бедствия, ни возможные неурожаи. В некоторых районах кмет не имел права убирать урожай вплоть до прихода комиссии и обязан был платить десятину даже в том случае, если хлеба осыпались на корню или сгнивали¹¹. Третья часть в пользу помещика определялась исходя из десятины. Поэтому помещики были заинтересованы в завышении десятины¹².

О царившем произволе при определении размеров десятины и третины достаточно красноречиво свидетельствуют данные о количестве судебных разбирательств

⁴ «Аграрный вопрос и крестьянское движение». М., 1932, стр. 87.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 340.

⁶ Там же, стр. 368.

⁷ Б. Пејановић. Становништво Босне и Херцеговине. Београд, 1955, Приложения, табл. 15—17.

⁸ «Arhiv Komunističke partije Bosni i Hercegovine», t. II, str. 327.

⁹ «Musavat», 20.VII.1910.

¹⁰ См. J. Nemeček. Der wirtschaftliche Aufschwung Bosnien und der Herzegowina. Wien, 1909, S. 6—8.

¹¹ «Народне Новине». Београд, 1908, стр. 99—101.

¹² А. Барр. Босния и Герцеговина под австрийским владычеством. М., 1909, стр. 118—119.

и тяжб в связи с жалобами крестьян на несправедливое решение комиссий. Только за три года (1907—1909 гг.) местными судами слушалось 56 тыс. дел в связи с неправильным определением размера десятины и земельными спорами¹³.

Крестьянин-кмет, обремененный тяжелыми повинностями и обязанностями, не имел никаких прав. Он не мог даже уйти от помещика до выполнения обязательств, в то время как помещик имел право выбросить кмета и его семью на улицу под предлогом плохого ведения им хозяйства.

Практически это означало, что в Боснии, несмотря на отсутствие формально-юридических прав помещика по отношению к кмету, существовали сильнейшие пережитки крепостного права, ибо попавший в долговую кабалу к помещику крестьянин-кмет оказывался прикрепленным навечно к помещику. Характеризуя аналогичные отношения в России, В. И. Ленин писал: «Когда полунищий крестьянин работает на помещика своим убогим скотом и орудиями, будучи закабален выдачей денег взаймы или арендой земли, то это и есть экономическая сущность крепостного хозяйства»¹⁴.

В связи с развитием капитализма в деревне и повышением рыночной стоимости земли помещики начали сгонять кметов с земли и заменять их поденщиками, батраками и другими категориями свободных крестьян. За период с 1895 по 1910 г. помещики через суд согнали с земли 2226 кметских семей¹⁵. В результате количество свободных крестьян заметно возросло и стало составлять почти половину (45,8%) сельского населения.

По своему имущественному положению свободные крестьяне не были однородны. В 1906 г., согласно статистическим данным, 51,5% свободных крестьян владели менее чем по 2 га земли, 25,4% — от 2 до 5 га, 13,7% — от 5 до 10 га и 9,4% крестьян — свыше 10 га¹⁶. Таким образом, подавляющую часть свободных крестьян — 76,8% — составляли мелкие земельные собственники, владевшие наделами до 5 га. Им принадлежало в целом всего 15,1% пахотной земли¹⁷. В то же время основные земельные фонды, сельскохозяйственный инвентарь и скот были сосредоточены в руках помещиков, а также кулачества.

Кулак в Боснии и Герцеговине выступал одновременно и в качестве сельского ростовщика, эксплуатировавшего крестьянина, который попадал к нему в долговую кабалу. Ростовщичество в этих областях было широко распространено и приобрело самые крайние формы. Так, например, в Купрезе, Шуйцах, Дуванском Поле, Посушье, Мркопичраде ростовщики брали огромные проценты, доходившие до 25—35 от полученной крестьянином суммы¹⁸.

Общая сумма постоянного долга крестьян сельским ростовщикам и помещикам достигла к 1905 г. более 77 млн. крон при общей стоимости недвижимого имущества крестьян в 438 млн. крон, т. е. составляла примерно 18% стоимости всего крестьянского имущества. На основе этих данных можно прийти к выводу, что в долговой кабале находилось почти все беднейшее крестьянство¹⁹. 44,1% ипотечной задолженности падало в 1905 г. на мелкие хозяйства свободных крестьян и кметов, стремившихся выкупиться из кметской зависимости²⁰.

Буржуазно-помещичье государство, банки, ростовщики и крупные земельные собственники взыскивали с крестьян недоимки самым жестоким способом. В Боснии и Герцеговине не существовало законов и инструкций, точно определявших порядок описи имущества за долги, и вследствие этого при взимании недоимок царил произвол. Агенты фиска или судебные органы по собственному усмотрению описывали имущество должника, нередко продавая это имущество с аукциона. Количество

¹³ «Напор Босне и Херцеговине...», стр. 288.

¹⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 220.

¹⁵ «Српска Рижеч», 1910, № 56.

¹⁶ A. L e b l. Sindikalna borba agrarnog proletarijata. Beograd, 1954, str. 34.

¹⁷ «Аграрный вопрос и крестьянское движение», стр. 87.

¹⁸ R. Vičanić. Kako živi narod. Život u pasivnim krajevima. Zagreb, 1937, str. 75—76.

¹⁹ Н. А. Крюков. Сельское хозяйство в славянских странах. Славянские земли, т. I, М., 1914, стр. 71.

²⁰ АВПР, Канцелярия МИД, 1909, д. 136, л. 127—129.

таких распродаж непрерывно росло. Так, в 1900 г. было продано за долги 1416 крестьянских дворов и имуществ, в 1901 г.— 1880, а в 1909 г.— уже 3093. Кроме того, было произведено свыше 896 тыс. частичных конфискации²¹.

Помимо десятины, крестьянин платил налог на строения и недвижимое имущество, на крупный и мелкий скот; с сельских жителей взимали церковный и школьный налоги; крестьян заставляли выполнять повинности: участвовать в дорожном строительстве, расчистке государственных лесов и пр. С 1884 по 1910 г. прямые налоги возросли более чем вдвое — с 6920 тыс. до 14 140 тыс. крон²².

Особенно обременительными для сельского населения были косвенные налоги, которые платили как свободные крестьяне, так и кметы. Их собирало государство посредством монопольных цен на продукты первой необходимости: на соль, сахар, табак, а также на пиво и водку — один из главных видов сельскохозяйственного производства. Косвенные налоги всей тяжестью ложились на трудящиеся массы. В 1910 г. поступления от косвенных налогов превышали 60 млн. крон, что составляло 77% всех налогов²³.

Все это приводило к разорению деревни, пролетаризации беднейшей части сельского населения, следствием чего была массовая эмиграция. Босния и Герцеговина представляли собой районы самой интенсивной эмиграции в Австро-Венгрии.

Среди свободных крестьян было широко развито отходничество²⁴. Крестьянская беднота, не находя спроса на рабочие руки в своей местности, уходила на приработки в Воеводину, на лесные разработки и рудники Боснии, на шахты и промышленные предприятия Словении и Австрии. Часть боснийских крестьян отправлялась даже во Францию, Бельгию и Голландию²⁵. Крестьяне-отходники предлагали свои услуги в качестве сельскохозяйственных рабочих, каменщиков, грузчиков, строителей, землекопов и пр. и пр. за нищенскую плату, а нередко и просто за кусок хлеба²⁶.

Таким образом, положение свободного крестьянина было не лучше, чем положение зависимого крестьянина-кмета.

* * *

Сложившаяся накануне волнений в Боснии обстановка была чрезвычайно напряженной, классовые противоречия крайне обострились. Об этом свидетельствовали, в частности, заявления представителей боснийских помещиков в провинциальном парламенте — Саборе²⁷, в которых они призывали власти «принять самые срочные меры» против неповинующих крестьян, а также многочисленные сообщения боснийской печати о поджогах крестьянами помещичьих и кулацких имений, отказе крестьян-кметов выполнять феодальные повинности, о глухом брожении и даже отдельных выступлениях крестьянства. Так, в апреле 1908 г. произошли крестьянские волнения в Рогатице (сараевский котар), возникшие, как отмечали официальные источники, «в связи с земельными спорами между помещиком и кметами», т. е. в результате попыток помещиков согнать кметов с арендуемой ими земли. Крестьяне разрушили ряд строений помещиков и прогнали жандармов. Движение было настолько серьезным, что в Рогатицу были посланы войска²⁸.

Подобные крестьянские волнения произошли также в местечке Али-Базарп в районе Лийевне Травничского округа, где крестьяне выступили против властей²⁹.

В мае 1908 г. в трех селах Дубичского котара Баньялукского округа (Градине, Демировце и Дракшениче) крестьяне-кметы ярочным порядком прекратили выплату

²¹ «Izvjestaj o upravi Bosne i Hercegovine 1911 godine». Sarajevo, 1911, str. 172.

²² Ibidem.

²³ «Arhiv KP BiH», t. II, str. 149.

²⁴ «Bericht über die Verwaltung von Bosnien und Herzegowina 1913». Wien, 1913, S. 4.

²⁵ «Анкета Главног задружног савеза Србији». Београд, 1914, стр. 2.

²⁶ J. Петровић. Печалбари. Београд, 1920, стр. 1—20.

²⁷ См. «Стенографски извјештај о седницима Босанско-Херцеговачког сабора». Сарајево, 1910, стр. 1720—1725.

²⁸ АВПР, Политархив, д. 1205, л. 41.

²⁹ «Политика», 28.IV.1908.

помещикам третины и стали считать обрабатываемые ими земли своими. Боснийское правительство отправило в села вооруженные отряды, которые учинили расправу над крестьянами³⁰.

28 августа произошли столкновения крестьян со сборщиками налогов в селе Поддугови³¹, а в декабре имели место факты неуплаты кметами третины («хака») и поджогов помещичьих имений в районе Баньялуки³².

В 1909 — начале 1910 г. крестьянское движение усилилось. Еще более частыми стали случаи поджогов помещичьих имений, нападений крестьян на помещиков и их управляющих. Особенно беспокойно было в селах Рогатица, Большой Новый, Кулен Вакуф, Ступанари Рогатицкого котара (района), в селах Бртњи Мостарского котара, Романовцы Градишского котара и Бийелина, Црнальево и Магновицино Бийелинского котара³³.

22 июля 1910 г. о крестьянских восстаниях сообщил в Саборе один из лидеров мусульманской помещичьей партии — так называемой «Мусульманской народной организации» — Шериф Арнаутович, призвавший правительство усилить полицейские репрессии против крестьян. «Мы свое имущество и имена защищаем живыми, — заявил он, — а если потребуется, обратимся и к помощи штыков»³⁴.

В июле — августе 1910 г. в четырех котарах — Баньялукском, Градишском, Приедорском и Прозорском — помещики и местные власти могли собирать повинности только при помощи жандармерии и войск³⁵.

Чрезвычайно напряженным в это время было и общее политическое положение в Австро-Венгрии, особенно в южнославянских землях. После боснийского кризиса 1908—1909 гг. и в связи с ростом национально-освободительной борьбы еще более обострились социальные и национальные противоречия в многонациональном государстве Габсбургов.

Учитывая это, правительство приняло решительные меры против крестьянских волнений. Как только поступили первые сведения о выступлениях в начале августа кметов двух сел котара Босанской Градишки-Грбавци и Доньей Киевци, — местные власти немедленно известили об этом генерал-губернатора Боснии и Герцеговины генерала Варешанина и венское правительство³⁶. Имперский министр финансов и начальник управления провинциями барон Бурман прислал распоряжение принять решительные меры для подавления движения. «Движение кметов должно быть задушено в зародыше, — писал он. — Используйте для этого все имеющиеся средства»³⁷.

Это распоряжение весьма характерно. Выступления кметов, отказывавшихся платить феодальные повинности, происходили и раньше. Но никогда они не вызывали такой тревоги у центральных властей, как на этот раз. По-видимому, правительство знало о настроениях в деревне и заранее принимало меры. Это еще раз подтверждает правильность вывода о напряженности внутриполитической обстановки в Боснии и Герцеговине.

Опасения правящих кругов вскоре оправдались. Уже 9 августа правительством были получены сообщения о расширении крестьянского движения. В сентябре начались волнения в Приедорском и Баньялукском котарах. Центрами движения в Приедорском котаре стали села Омарска, Донья Ломовита, Грдина, Хаджимушличина и Йеличина³⁸. В Баньялукском котаре крестьянские волнения в начале сентября охватили одновременно 12 сел — Шимчим, Радославска, Савенска, Пискавице и др.³⁹

³⁰ «Sarajevski Tjednik», 23.V.1908, № 3, str. 3—4.

³¹ «Arbeiter Zeitung», 2.IX.1908.

³² «Zeman», 9.VII.1910.

³³ «Musavat», 23.VIII.1910.

³⁴ Ibidem.

³⁵ Országos levéltár — Государственный архив Венгрии (далее — OL ME). 1910. XXXVI, № 5493, f. 11.

³⁶ «Годишњак историјског друштва Босни и Херцеговини», стр. 236.

³⁷ Земалска влада. Сарајево. Државен архив Босне и Херцеговине. № 5032. през. 13.VIII.1910.

³⁸ «Sarajevski Tjednik», 3, 11.IX.1910.

³⁹ «Борба», 1910, књ. 2, стр. 885.

15 сентября к движению присоединились еще 17 сел в срезах (уездах): Ключ, Сапски Мост и Вардар Вакуф⁴⁰. 20 сентября состоялась сходка крестьян сел Радо-славски, Йелич и Пискавица, на которой присутствовало более 600 крестьян. На сходке выступил известный крестьянский писатель и прогрессивный политический деятель Петар Кочич. Было принято единодушное решение об отказе кметов платить «хак» и вышло объявить другие феодальные повинности⁴¹.

Движение нарастало. В конце сентября в Баньялукском котаре поднялись на борьбу уже 30 сел и деревень⁴². Кметы повсеместно явочным порядком прекращали выполнять феодальные повинности и называли себя свободными. Широкое распространение получила песня, начинавшаяся словами «Нету више кметовати!» («Не будем больше кметами!»)⁴³.

Но на этом этапе движение протекало еще относительно мирно, и решительных действий кметы не предпринимали. Их вызвали сами власти. Перепуганные помещики срочно попросили прислать войска. В Баньялукский котар были направлены из Сараева подразделения 49-го и 80-го пехотных полков, в Прњаворский котар — воинские части из других городов⁴⁴. Много крестьян, не выполнявших повинностей, было арестовано, жандармерия и войска применяли насилие⁴⁵.

Репрессии не смогли сломить волю крестьян. Они вызвали лишь возмущение. На массовой крестьянской сходке в селе Лакташине выступил Петар Кочич, который потребовал освободить арестованных крестьян⁴⁶.

Кочич считал ликвидацию кметчины центральной задачей внутривнутриполитической и экономической жизни Боснии и Герцеговины. Он заявлял, что до тех пор, «пока крестьянин не будет свободным, не будет свободным и боснийский народ»⁴⁷, и что без ликвидации позорных пут феодализма невозможно развитие и процветание Боснии. Важной и прогрессивной стороной высказываний Кочича была сама вера в силы народа, в его возможности и энергию. Но Кочич ошибочно считал, что всего можно достигнуть не путем революции, а при помощи мирных преобразований через парламент. В этом сказалась непоследовательность и слабость Кочича, субъективно исключительно честного человека и пламенного защитника народных прав.

Католическая, православная и мусульманская церкви, несмотря на взаимные конфессиональные разногласия, выступили единым фронтом против крестьянского движения, заявив, что насилие противоречит самим принципам религии. Мусульманская церковь, воспользовавшись тем, что в этот период наступил «рамазан» — великий пост, во время которого запрещалась всякая деятельность, призвала своих верующих отказаться от участия в совместной борьбе с православными крестьянами-сербями. Католическая церковь во главе с архиепископом Штадлером обратилась с аналогичным призывом к католикам, а высшее православное духовенство — к православным. Только отдельные сербские сельские священники отнеслись сочувственно к крестьянским требованиям, но и они не поддержали движения, считая, что осуществление этих требований должно происходить мирным и «законным» путем. Все это привело к тому, что в конце сентября властям удалось на время приостановить крестьянское движение. Однако уже в октябре оно стало разворачиваться с новой силой.

Два обстоятельства оказали непосредственное влияние на новый подъем крестьянского движения. Одно из них — всеобщая забастовка железнодорожников, вспыхнувшая 23 сентября, и стачка строительных рабочих Сараева в конце сентября — начале октября. Железнодорожная забастовка продолжалась 12 дней и носила боевой характер, хотя реформистские лидеры профсоюза транспортников пытались вначале ограничить ее рамками «пассивного сопротивления»⁴⁸. Широкий размах

⁴⁰ «Годишњак историјског друштва Босни и Херцеговици», стр. 239.

⁴¹ «Српска Рјеч», 6.X.1910.

⁴² Там же.

⁴³ АВПР, Политархив, д. 1207, л. 63; «Борба», 1910, кн. 2, № 23, стр. 885.

⁴⁴ «Sarajevski Tjednik», 4.X.1910.

⁴⁵ OL ME, 1910, XXXVI, № 5493, f. 12.

⁴⁶ «Српска Рјеч», 6.X.1910.

⁴⁷ В. М а с л е ш а. Млада Босна. Београд, 1945, стр. 129.

⁴⁸ Уже 26 сентября, т. е. через три дня после начала стачки, дирекция железных дорог Боснии с тревогой писала управляющему Боснией и Герцеговиной

приобрела и стачка строителей в Сараеве, организованная под руководством левого социалиста Джуры Джаковича. Обе забастовки, в которых участвовали, наряду с рабочими и служащими, многие сезонники и крестьяне-отходники, произвели большое впечатление на крестьянство.

Другой причиной активизации крестьянских выступлений было обсуждение аграрного вопроса в боснийском парламенте, который начал свою работу в сентябре. Радикальная группа Кочича выступила в парламенте с требованием осуществления аграрной реформы, и это выступление вдохновило крестьян на борьбу. В секретной телеграмме Буриану от 4 октября 1910 г. начальник департамента внутренних дел боснийского правительства отмечал большое влияние на крестьян «агитациям Кочича»⁴⁹.

На новом этапе крестьянского движения кметы изменили свою тактику. Убедившись в недостаточности локальных действий, они стали выдвигать задачу вовлечения в борьбу за отмену феодальных повинностей крестьян соседних деревень, целых уездов и областей. С этой целью они создавали особые отряды, которые перемещались от села к селу и пытались поднять все крестьянство Боснии, а если удастся, то и соседних областей — Хорватии, Славонии и Срема.

Центрами движения в это время стали районы правого берега р. Босны — села Разбой в Градишском срезе, сельские общины Павеличи и Шишковцы Прињворского среза, а также Дервентский и Тешаньский срезы. Снова огромным размах приняло движение в Баньялукском котаре⁵⁰.

Крестьянское движение на этом этапе, несмотря на стихийность, имело уже определенную внутреннюю организацию. Существовали даже выборные руководители, о деятельности которых, однако, к сожалению, нет достаточных сведений. В «Письме из Дервенты», написанном одним из мусульманских помещиков и опубликованном в газете «Musavat», говорилось: «Все дела ведут комитетчики; в каждом селе, участвующем в волнениях, имеются комитеты»⁵¹. Глухое упоминание о руководителях движения можно найти и в отдельных донесениях местных властей и жандармерий. Так, в телеграмме начальника жандармерии уездного центра города Добоя от 1 октября говорилось о «группе агитаторов» и аресте «главного оратора»⁵². В донесениях из Дервенты, Коштайницы и Грабской содержалось упоминание о лицах, которые «пытаются поднять крестьян»⁵³. В телеграмме боснийского правительства Буриану от 15 октября говорилось о том, что в селе Войоваце Бихачского района «арестован, смещен и наказан как зачинщик агитации староста деревни — кнез»⁵⁴.

Наконец, о наличии определенной подготовки выступлений крестьян и руководства крестьянским движением свидетельствует как одновременность этих выступлений, так и та быстрота, с которой движение перебрасывалось из одного района в другой. Глава гражданского управления провинциального правительства Боснии барон Пинтер в своем донесении Буриану от 30 сентября сообщал об исключительно быстрых темпах нарастания волнений. «Движение непрерывно усиливается, — писал он. — К нему присоединяется деревня за деревней»⁵⁵.

О том же писала близкая к официальным кругам венгерская газета «Pester Lloyd»: «Как лавина, все более и более росло количество людей... В субботу, 1 октября, эта масса кметов дошла до Руданки, близ г. Добоя, и хотела перейти на другой берег реки, но была задержана отрядом солдат. Крестьяне воспротивились солдатам,

Буриану: «Пассивное сопротивление усиливается с каждым днем. Сейчас в движении участвуют все рабочие, кроме трамвайщиков. Борьба принимает все более опасный характер». — OL ME, 1910, XXXVI, № 5493, f. 14. В телеграмме дирекции от 28 сентября Буриану говорилось о дальнейшем распространении забастовки на сахарный завод в г. Узоре и другие предприятия. — Ibid., f. 19.

⁴⁹ OL ME, 1910, XXXVI, № 5493, f. 55—56.

⁵⁰ «Arhiv KP BiH», t. II, str. 329.

⁵¹ «Musavat», 13.X.1910.

⁵² OL ME, 1910, XXXVI, № 5493, f. 48—49.

⁵³ Ibid., f. 49—50.

⁵⁴ Ibid., f. 85.

⁵⁵ Ibid., f. 36.

так как верили в правоту своего дела»⁵⁶. Количество крестьян, достигших Добоя превышало 5 тыс. человек. В Баньялукском срезе активно включилось в борьбу также свыше 5 тыс. крестьян, несколько тысяч кметов участвовали в волнениях в Шамаце, Модриче и других местах⁵⁷.

Общее количество участников крестьянского движения установить трудно, но по-видимому, это движение было очень широким, так как охватило целые районы Босанской Краины и Посавины⁵⁸. Характерной особенностью второго этапа движения была довольно значительная солидарность кметов разных национальностей и вероисповеданий.

О боевых настроениях крестьян говорит следующий отрывок из «Письма из Дервенты»: «У нас все напоминает времена военной оккупации. Войска и вооруженная жандармерия разгоняют бунтовщиков, число которых все увеличивается и увеличивается, а разные случаи нападения еще больше устрашают нас. Позавчера горели склады и амбары помещика Цриквича из Прньявора, а вчера пламя от пожарищ снова видели в Прньяворском котаре»⁵⁹. Далее в письме сообщалось о тщетных попытках войск усмирить крестьян, о полном бессилии властей, о страшной растерянности помещиков. «Вчера войска остановили около тысячи бунтовщиков на границе нашего котара, в селе Пруд, 44 человека связали и отправили в Шамац, а остальных разогнали, но все это не помогает. Бунт ширится и усиливается... Всюду царит полнейшая анархия. Ни один помещик и управитель не смеют появиться на селе»⁶⁰.

О бегстве управителей-субашей и помещиков из деревень в города под покровительство властей сообщалось и в социал-демократическом журнале «Борба»⁶¹.

Во время крестьянских волнений свободные крестьяне не раз солидаризировались с кметами. В Баньялукском котаре, например, в движении участвовали свободные крестьяне села Ратково, которые хотели добиться отмены десятины. Наблюдались также отдельные случаи совместных действий крестьян сербов-православных с мусульманами. Так, крестьяне мусульманского села Календеровац принесли полные сумки пища проходившим мимо восставшим сербским крестьянам, прося их заступиться и за них, заявив, что сами они, к сожалению, не могут принять непосредственного участия в движении из-за рамазана⁶².

Имеются сведения о том, что в крестьянских волнениях принимали участие так называемые «мустеджирь» — сельскохозяйственные рабочие, исповедовавшие мусульманскую веру. Такой случай произошел, например, в районе Дервенты⁶³. Здесь общим лозунгом кметов и «мустеджиров» было освобождение от тяжелой эксплуатации помещиков и кулачества.

О совместных действиях кметов и сельской бедноты в период крестьянских волнений говорил в своем выступлении в Саборе крупный мусульманский помещик Шериф Арнаутович, который привел многочисленные факты нападений крестьян и кметов на помещичьи амбары, о поджогах помещичьих усадеб, избиениях управляющих имениями и крестьян-штрейкбрехеров, которые, несмотря на общее решение, продолжали уплачивать третину и нести повинности⁶⁴.

Наконец, по некоторым данным, во время волнений наблюдались отдельные случаи проявления недовольства солдат, которые не желали служить Габсбургской монархии. В том же «Письме из Дервенты» сообщалось: «Ходят слухи, что войска сами сочувствуют бунтовщикам»⁶⁵.

Но, конечно, это были лишь единичные случаи. В целом армия оставалась верным орудием господствующих классов. Для подавления крестьянского движения было направлено несколько частей 15-го армейского корпуса под командова-

⁵⁶ «Pester Lloyd», 5.X.1910.

⁵⁷ «Musavat», 8.X.1910; «Српска Ријеч», 6.X.1910.

⁵⁸ «Arhiv KP BiH», t. II, str. 329.

⁵⁹ «Musavat», 13.X.1910.

⁶⁰ Ibidem.

⁶¹ См. «Борба», 1910, кн. 2, № 23, стр. 885—889.

⁶² «Српска Ријеч», 6.X.1910.

⁶³ «Musavat», 22.X.1910.

⁶⁴ «Musavat», 2.III.1911.

⁶⁵ «Musavat», 13.X.1910.

нием генерал-майора Мишчевича⁶⁶. Против крестьян были брошены также 9 специальных отрядов жандармерии из Сараева и Калиновина, каждый численностью в 60 жандармов и 90 вспомогательных солдат. Кроме того, для патрулирования дорог и мостов были посланы особые «заградительные войска»⁶⁷. Все эти меры, как свидетельствует официальное донесение боснийского правительства от 5 октября барону Буриану, были приняты командующим войсками в Боснии и Герцеговине генералом фон Ауффенбергом «по собственной инициативе при первом же известии о событиях»⁶⁸. Буриану этих мер показалось мало, и он распоряжениями от 3 и 10 октября приказал дополнительно послать войска⁶⁹.

В хранящихся в Государственном архиве Венгрии рапортах командующего 15-м армейским корпусом военному министру, а также в донесениях начальника управления жандармерии Боснии и Герцеговины сообщается о многочисленных фактах использования против безоружных крестьян значительных воинских и полицейских сил, о беспощадной расправе буржуазно-помещичьего государства с трудовым крестьянством, поднявшимся на борьбу за свои права⁷⁰.

Крестьянские волнения были задушены. После этого начались массовые аресты и преследования крестьян. По выражению газеты «Sarajevski Tjednik», была организована «настоящая охота за крестьянскими руководителями»⁷¹. Только в Баньялукском котаре было отдано под суд 200 крестьян⁷². Арестованных крестьян избивали. Кметов принуждали дать обязательство выплачивать третину, угрожая в противном случае лишить их свободы⁷³. Во многих районах крестьян заставили возместить ущерб, нанесенный землевладельцам за время волнений.

Отсутствие союза рабочего класса и крестьянства было основной причиной поражения крестьян. Социал-демократическая партия Боснии и Герцеговины не только не руководила крестьянским движением, но и игнорировала его. Кроме того, само крестьянское движение не было достаточно организовано, выступления крестьян протекали стихийно. Даже на втором этапе движение не было единым. Как правило, крестьяне, собравшись многотысячной толпой, шли только до следующего села и затем возвращались обратно. Им так и не удалось осуществить свой план, имевший целью поднять все боснийское крестьянство на борьбу за отмену кметчины.

* * *

Поражение крестьян в октябре 1910 г. привело на некоторое время к спаду революционного движения в боснийской деревне. Но крестьянство не хотело отказываться от борьбы за землю и отмену кметчины, ибо требования, выдвигавшиеся им во время волнений, не были удовлетворены. В сложившейся обстановке крестьяне снова стали поджигать помещичьи имения. В Боснии и Герцеговине поджоги в конце 1910 — начале 1911 г. приняли массовые масштабы. «Musavat», характеризуя сложившуюся в Боснии и Герцеговине ситуацию, сообщала в передовой статье под названием «Поджоги»: «Едва стихли аграрные волнения в Северной Боснии, как каждый день по остальным районам Боснии и частично по Герцеговине стали гореть помещичьи амбары, хлеб, сено». В одном только Рогатицком котаре за два первых месяца 1911 г. было организовано 35 поджогов⁷⁴. 1 ноября 1910 г. в селе Томини близ Санского Моста было подожжено имение помещика. Вместе с кметами в поджоге участвовали домашние слуги помещика⁷⁵.

⁶⁶ «Борба», 1910, кн. 2, № 23, стр. 889.

⁶⁷ OL ME, 1910, XXXVI, № 5493, f. 43—44.

⁶⁸ Ibid., f. 60.

⁶⁹ Ibid., f. 44, 72.

⁷⁰ Ibid., f. 48—85 (донесения от 3, 4, 5, 8, 10, 11, 12, 15 и 18 октября 1910). Без чувства глубокого возмущения нельзя, например, читать привычные донесения начальника местного управления в г. Добое Якубовского о том, что во вверенном ему районе жандармерия и войска, охранявшие мост через реку у селений Босна и Модрич, сбрасывали крестьян с моста.— Ibid., f. 48—49.

⁷¹ «Sarajevski Tjednik», 4.X.1910.

⁷² «Arhiv KP BiH», t. II, str. 329.

⁷³ «Борба», 1910, кн. 2, № 23, стр. 888.

⁷⁴ «Musavat», 2, 24.III.1911.

⁷⁵ «Musavat», 2.XI.1910.

18 марта 1911 г. в селе Перван Баньялукского котара крестьяне сожгли у крупного землевладельца-кулака сено стоимостью в 8 тыс. крон⁷⁶. В селах Мелной и Бистрица того же котара за отказ помещиков повысить плату батракам за каторжный труд крестьяне сбросили в пруд сено трех агров, посекали виноградные лозы и сломали ограды в имениях. В июне 1911 г. в Рогатицком срезе происходили постоянные поджоги помещичьих и кулацких имений⁷⁷.

В августе 1911 г. отмечались многочисленные случаи нападений крестьян на полевых сторожей, субашей, жандармов, сборщиков налогов и представителей местных властей⁷⁸. Движение приняло такой широкий размах, что помещики обратились к властям с просьбой о присылке в деревни дополнительного контингента жандармов и войск. «В Рогатицком котаре,— писала «Musavat»,— так часты случаи поджогов и избиений землевладельцев, что последние обратились с предложением ездить в Рогатице специальные воинские казармы и согласились отдать для этого свои постройки»⁷⁹. О том же писала и другая газета мусульманских помещиков — «Zeman», посвятившая борьбе с крестьянским движением передовую статью. Газета обращалась к правительству с просьбой принять «немедленные меры» и призывала всех землевладельцев «объединить свои усилия» для предотвращения крестьянских волнений⁸⁰.

Правительство не осталось глухим к требованиям помещиков. Был издан ряд распоряжений, согласно которым местным органам власти предписывалось «оказать помещикам в их борьбе против кметов поддержку всеми силами, вплоть до присылки войск»⁸¹. Правительство дало указание держать в боевой готовности «летучие отряды» и жандармерию, «пока не будет сбора хака на будущий год»⁸². Во многие имения были посланы жандармы и войска для охраны безопасности их владельцев. «Каждую ночь,— писал в «Musavat» один из помещиков,— в моем имении находятся два вооруженных жандарма и не менее трех-четырех их помощников»⁸³.

Одновременно правящие круги, чтобы отвлечь крестьян от революционной борьбы, приступили к разработке проекта аграрной реформы.

* * *

В июле 1911 г. в Саборе состоялось обсуждение внесенного правительством законопроекта об аграрной реформе⁸⁴. Среди сербских депутатов не было единства взглядов в вопросе об отношении к законопроекту. Все сербские депутаты формально входили в одну парламентскую фракцию — так называемый «Сербский клуб», но внутри его имелись различные течения, которые придерживались разных точек зрения по аграрному вопросу.

Наиболее радикальную часть клуба представляла группа мелкобуржуазной интеллигенции, во главе с Петаром Кочичем⁸⁵. Эта группа издавала газету «Отаџбина» («Отечество»), на страницах которой защищались требования крестьянства. В Саборе Кочич и его группа требовали принудительной ликвидации кметчины и отмены других форм феодальных отношений в деревне. Они внесли в Сабор проект об обязательной («облигаторной») отмене кметских отношений⁸⁶. Согласно этому проекту все без исключения кметы подлежали немедленному освобождению от феодальной зави-

⁷⁶ «Musavat», 18.III.1911.

⁷⁷ «Самоуправа», 11.IV.1911.

⁷⁸ «Musavat», 23.VIII.1910.

⁷⁹ «Musavat», 16.VIII.1911.

⁸⁰ 18 октября 1910 г. к начальнику гражданского управления провинциями барону Пинтеру явилась делегация мусульманских помещиков, потребовавшая принятия чрезвычайных мер против поджогов.— OL ME, 1910, XXXVI, № 5493, f. 88.

⁸¹ «Sarajevski Tjednik», 4.X.1910.

⁸² «Вечерни Сарајевски Лист», 3.X.1910; см. также OL ME, 1910, XXXVI, № 5493, f. 64.

⁸³ «Musavat», 16.XI.1910.

⁸⁴ АВПР, Политархив, д. 1207, л. 63—64.

⁸⁵ Подробнее о Кочиче см. «Petar Kočić — Govjek, borac, književnik». Sarajevo, 1955.

⁸⁶ АВПР, Политархив, д. 1208, л. 2.

симости⁸⁷. Кметы, по проекту Кочича, освобождались бесплатно, а все расходы, связанные с выкупными операциями, брало на себя государство. Однако программа не предусматривала конфискации помещичьей земли и ее распределения между крестьянами. Земля по-прежнему сохранялась за помещиками, которые к тому же должны были получить от государства денежную компенсацию за освобождение крестьян от кметской зависимости. Непоследовательность программы группы Кочича и наличие в ней ошибочных положений проявлялись и в некоторых других вопросах.

Вторая сербская группа, входившая в «Сербский клуб» и носившая название «Народ», по имени издававшейся ею газеты, стояла на значительно более умеренных позициях, чем группа Кочича. Лидером этой группы был Никола Стоянович, придерживавшийся умеренно-либеральных взглядов. Он выступил против радикального решения аграрного вопроса, отстаивая лишь частичные реформы⁸⁸.

Третья группа депутатов «Сербского клуба» была еще более правой. Она представляла крупную сербскую компрадорскую буржуазию, проводившую соглашательскую политику и поддерживавшую правительство и его аграрный законопроект⁸⁹. Эта группа издавала газету «Српска ријеч», проповедовавшую примирение классовых антагонизмов. Лидерами группы были Глигорий Ефтанович и Воислав Шола — крупные предприниматели и буржуазные дельцы.

Мусульманские помещики, представленные в парламенте партией «Мусульманская народная организация», вообще выступали против каких-либо уступок крестьянам. С ними блокировались представители хорватской буржуазии.

Таким образом, в Саборе большинство принадлежало правым буржуазно-помещичьим партиям и народные массы были лишены возможности высказываться по поводу правительственного законопроекта. Только Петар Кочич и его немногочисленные сторонники выступали в парламенте с требованием скорейшей отмены крепостничества.

Что касается боснийской социал-демократической партии⁹⁰, то в аграрном вопросе она заняла ошибочную позицию. Это была еще молодая и не обладающая достаточным опытом партия. Она возникла только в 1909 г. и находилась под вредным влиянием австромарксизма. Руководство боснийской СДП, вслед за реформистскими лидерами СДП Австрии и Венгрии, недооценивало революционные возможности крестьянства как союзника пролетариата и игнорировало крестьянское движение. Во время крестьянских волнений 1910 г. социал-демократическая партия Боснии и Герцеговины ограничивалась ролью стороннего наблюдателя. Отношение к крестьянству не изменилось и в последующие годы.

Аграрная программа социал-демократии была реформистской⁹¹. Характерно, что этого не отрицали даже сами руководители СДП. Так, ее лидер Сретен Якшич в статье «Борьба классов и аграрный вопрос в социал-демократической партии», опубликованной в журнале «Борба», признавал, что аграрная программа боснийской СДП не является революционной. «Подлинно социалистическим, революционным требованием,— писал он,— была бы экспроприация земель агров и бегов и передача их в руки крестьян. Мы же стоим за парламентский путь»⁹². Пытаясь объяснить причины оппортунизма социал-демократической партии в крестьянском вопросе, Якшич заявил, что СДП вынуждена пойти на это в силу того, что в Боснии сложились будто бы «особые аграрные отношения», не похожие на другие страны. Поэтому, прежде чем развешивать классовую борьбу крестьянства, необходимо преобразовать феодальные отношения в капиталистические и путем культурно-просветительской работы повысить сознание масс, подготавливая их к выполнению задач социальной борьбы постепенно, а не сразу выдвигать перед ними задачи ликвидации класса помещиков.

⁸⁷ «Arhiv KP BiH», t. II, str. 328.

⁸⁸ См. В. Маслеша. Млада Босна, стр. 124—125.

⁸⁹ «Стенографски извјештај Босанско-Херцеговачког Сабора 1910—1911», кн. III. Сарајево, 1911, стр. 1014.

⁹⁰ Петар Кочич выступал также и от имени социал-демократов, которые не имели в Саборе ни одного мандата.

⁹¹ Несколько позднее в СДП Боснии и Герцеговины оформилось левое крыло. Оно было против ошибочной аграрной программы.

⁹² «Борба», кн. 2, № 22, 10.XI.1910.

В защиту этой теории выступил и другой лидер правых в СДП Боснии — Бранко Хрисафович, который в докладе по аграрному вопросу на II съезде боснийской СДП, состоявшемся в июле 1910 г., по существу призвал к отказу от развертывания классовой борьбы в деревне. «В то время как народы других стран,— заявил он,— решали аграрный вопрос силой или бескровной революцией, мы должны идти путем компромисса»⁹³. В таком же духе принял аграрную программу и съезд. Вместо революционного разрешения аграрного вопроса программа СДП выдвигала реформистские положения о возможности постепенного «улучшения благосостояния крестьянства» путем кредитования деревни, повышения агротехнических знаний и развития капиталистической кооперации.

Таковы были основные программные положения по аграрному вопросу ведущих политических партий Боснии.

После длительного обсуждения в Саборе правительственного законопроекта он был принят представителями всех буржуазно-помещичьих партий. Только группа Кочича голосовала против этого проекта.

По новому закону кметам предоставлялось право выкупиться у помещика. Земля сохранялась за помещиком и только по добровольному согласию последнего могла быть уступлена крестьянину за соответствующую компенсацию. Закон исходил из принципа двусторонних переговоров между землевладельцем и кметом и предполагал взаимное согласие и той и другой стороны. Совершенно естественно, что при таком решении аграрного вопроса сохранялся полный произвол со стороны помещика. Практически из кметской зависимости могли выкупиться только зажиточные крестьяне, что вело к укреплению позиций кулачества — социальной опоры правящих кругов в деревне. Предоставляемая государством ссуда для выкупа давалась лишь имущим крестьянам. «Заем,— гласил § 8 закона,— выдается только тем кметам, чье самостоятельное существование будет обеспечено его хозяйственными возможностями. Оценка самостоятельности просителя должна производиться местными властями»⁹⁴. Банки выдавали ссуду под залог недвижимой собственности. Кредит погашался полугодовыми платежами в течение 30—50 лет при 4,5—5% годовых⁹⁵.

В результате всех этих мероприятий выкупиться из кметской зависимости смогли только зажиточные крестьяне. С 1911 по 1914 г. уплатили выкуп 5832 кмета. Упомянутый выше исследователь аграрных отношений в Боснии и Герцеговине К. Грюнберг подсчитал, что при таких темпах выкупа кметские отношения должны были просуществовать до 2025 г.⁹⁶ Во время войны 1914—1918 гг. выкуп кметов прекратился вовсе.

Таким образом, закон о «добровольном» выкупе ничего не дал трудящемуся крестьянству. От его принятия выиграли лишь помещики и кулаки. Помещики получили свыше 20 млн. крон компенсации, что составляло 54% стоимости всей кметской земли. После принятия закона они повысили размер выкупных платежей. Если до 1903 г. кмет уплачивал помещику выкуп в 650 крон, то в 1912—1913 гг. этот выкуп вырос до 1822 крон, т. е. увеличился почти в три раза⁹⁷.

Широкие слои крестьянства быстро разочаровались в законе. Затихшее было за время крестьянское движение возобновилось. Вновь запылали помещичьи имения и начались нападения крестьян на сборщиков налогов, жандармов и сельских представителей чиновников. Еще более острыми, чем до реформы, стали классовые противоречия в деревне: беднота, не имеющая возможности освободиться от кметчаны, выступала не только против помещиков, но и против зажиточных кметов, выкупившихся на свободу. О классовой борьбе в эти годы в боснийской деревне свидетельствуют многочисленные данные, приводимые в периодической печати Боснии и прежде всего в газете «Zemal», выражавшей интересы помещиков и кулачества.

Согласно сообщению этой газеты, 29 августа 1911 г. кметы села Басиме Большого

⁹³ «Arhiv KP BiH», t. II, str. 119.

⁹⁴ «Musavat», 27.VII.1910.

⁹⁵ F. Slipičević. Bosna i Hercegovina od Berlinskog kongresa 1878 do kraja prvog svetkog rata. Zagreb, 1954, str. 79.

⁹⁶ K. Grünberg. Die Agrarverfassung und das Grundentlassungsproblem in Bosnien und der Herzegowina. Leipzig, 1911, S. 77.

⁹⁷ «Напор Босне и Херцеговине...», стр. 291—292.

Петровацкого среза подожгли хозяйственные постройки крупных землевладельцев, нанеся ущерб в 1400 крон. Кроме того, ими было сожжено до 27 тыс. ока сена⁹⁸.

6 сентября 1911 г. были совершены поджоги помещичьих и кулацких построек в селе Мошчанцы Зеницкого котара, а 14 и 17 сентября в ряде сел Петровацкого среза. «Власти бессильны что-либо сделать,— писала об этих событиях «Zeman»,— в селах постоянно происходят поджоги»⁹⁹.

Поджоги приняли к концу 1911 г. такой широкий размах¹⁰⁰, что они стали предметом специального разбирательства Сараевского областного самоуправления. Властями было принято решение о взимании штрафов с тех сел, где происходят поджоги¹⁰¹. Но и эта мера не помогла. Поджоги кулацкого и помещичьего имущества продолжались.

Репрессии со стороны властей и штрафы, налагаемые на села, где происходили поджоги, вызывали ответные действия со стороны крестьянства. «Zeman» жаловалась, что в окрестностях Сараева, где власти ввели контрибуции, царит «ненадежное положение. По проселочным дорогам,— писала газета,— не может проехать ни один богатый торговец, крестьянские пикеты контролируют все пути сообщения»¹⁰². Аналогичное положение наблюдалось в Рогатице и Крайне.

Осенью 1912 г. снова резко обострилась обстановка в боснийской деревне. Для организации борьбы против крестьянского движения 21 сентября 1912 г. в Сараеве была созвана конференция «Объединенной мусульманской организации». Конференция направила меморандум властям, прося их об оказании срочной помощи помещикам по обеспечению их имущества¹⁰³.

Только во время войны 1914—1918 гг., когда в стране было введено чрезвычайное положение и подавляющее большинство крестьян призвано в армию, произошел временный спад крестьянского движения. Однако в 1918 г. под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в России оно развернулось с новой силой.

⁹⁸ «Zeman», 2.XI.1911; 1 ока = 3,078 фунта.

⁹⁹ «Zeman», 10.X, 2.XI.1911.

¹⁰⁰ «Zeman», 28.XII.1911; «Самоуправа», 19.X.1917.

¹⁰¹ «Zeman», 19.XII.1911.

¹⁰² «Zeman», 27.I.1912.

¹⁰³ «Zeman», 26.IX.1912.